

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СЦЕНОГРАФА

Выставка произведений народного художника Латвийской ССР Гирта Вилкса, посвященная 75-летию со дня рождения мастера, дает богатый материал для размышлений о его творческом и жизненном пути. Начинаешь думать о художнике как о личности и человеке. В истории Художественного театра им. Я. Райниса он стал легендой — живы в памяти его блестящие поиски, воплощавшие замыслы режиссеров к таким спектаклям, как «Спартак» А. Упита, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Много шума из ничего» В. Шекспира, «Вей, ветерок», «Индулис и Ария», «Играл я, плясал», «Илья Муромец», «Огонь и ночь» Я. Райниса, и другим. Оставил он свой заметный след и в книжной иллюстрации. Такие великолепные издания, как «Калевала», «Спартак» А. Упита, «Как я ездил к Деве Севера» К. Скалбе, «Золотой конь», «Индулис и Ария», «Играл я, плясал» Я. Райниса, «Снегурочка» А. Н. Островского, которые он оформлял, принесли ему славу не только в республике, но и на всесоюзных книжных выставках. Он один из зачинателей латышского советского плаката, витража и монументальной живописи, прекрасный мастер в области прикладного искусства и графики. Он смело выступал против банальности и беспринципности в искусстве, проявляя себя как человек, ответственный за все, что происходит при нем, как коммунист, понимающий значение искусства в нашу эпоху. Пусть это не покажется издержками пафоса, — но Гирт Вилкс на самом деле был большой человек.

Где черпал он силы для своего жизненного подвига? Унаследовал от отца, деревенского кузнеца из Дурбе? Да, наверное, и это повлияло, отец высоко держал честь своего ремесла, и сыновья его еще с детства протоптали тропку в отцовскую кузницу, умели и мехи раздувать и молотом бить по наковальне. В школе, в Лиенае, Гирт Вилкс учился вместе с будущим революционером Фрицисом Рокпелнисом, уже тогда авторитетом среди учащихся. Почерпнул он свое душевное величие

и у народного поэта Яниса Райниса, которого начал читать еще в юности и ценил всю жизнь как личность мирового масштаба. Затем работа в Рижском порту, где Гирт Вилкс, учащийся вечерней гимназии Райниса, подрабатывал себе на пропитание.

«Да, это было странное время, — вспоминал он в одной из бесед еще в 1982 году, — именно в порту, где царил физический труд, где люди встречались и разлучались, я впервые почувствовал единство с коллективом, недовольство существующим строем и обрел классовое сознание». В гимназии Райниса атмосферу создавали встречи с Жаном Гривой, Янисом Палкавиексом, Мейнхардом Рудзитисом. И скоро на формирование взглядов молодого рабочего парня стали оказывать влияние подпольная комсомольская организация и левый профсоюз, начавший давать Гирту Вилксу различные поручения. В более поздние годы художник не рекламировал специально эти факты из своего прошлого, считая, что он просто исполнял свой долг, но однажды, когда мы с ним говорили, с тихой гордостью сказал: «Это была большая школа, в которой мы боролись не за мелочи, не за личное благополучие, а за идею и коллектив».

По окончании гимназии Гирт Вилкс учился на архитектурном факультете университета и одновременно начал работать декоратором в малом ансамбле Художественного театра. В это время он знакомится с Плеписом, Абелите, Валдманисом, Сутой, Сперталом. Но самым для него значительным было сотрудничество с Эдуардом Смильгисом. В 1947 году Г. Вилкс становится главным художником Художественного театра. Путь длинной в четверть века, который вместе прошли эти два больших человека, не был легким. Но это был великий путь. Общий труд принес замечательные результаты.

В дебатах с Э. Смильгисом у художника выкристаллизовались определенные, прошедшие проверку жизнью принципы (в этом можно убедиться на выставке): сценическое простран-

ство не должно своим оформлением опережать ход событий; важен не только визуальный эффект, но — и это главное — психологическое настроение, оно должно помочь зрителям проникнуться идеей пьесы. Натурализм мешает воспринять суть, которая лежит в основе работы каждого видного сценографа. Сценография пьесы, каким бы соблазном то ни было для ее автора, не должна быть самоцелью, средством для достижения красоты и эффекта самих по себе, — она должна служить раскрытию идейного содержания пьесы, быть фоном, усиливающим звучание слова актера. Этим принципам Гирт Вилкс следовал всю свою творческую жизнь.

Вспоминая его постановки, рассматривая на выставке эскизы декораций, выполненных как станковые работы, понимаешь, что мастеру был присущ монументализм, способность к большому обобщению. Это достигалось архитектурной уравновешенностью форм, акцентированием отдельных элементов, ритмов.

Отыскивая в каждой пьесе самое существенное, то, что стало бы ключом к раскрытию образа, среды, эпохи, сюжета, Гирт Вилкс не утрачивал своей индивидуальности, своего собственного почерка. И это тоже было одним из компонентов, характеризовавших в то время своеобразие постановок Художественного театра.

Стремление к монументальности отличает и живопись Гирта Вилкса. Это — синтез линий, красок и ритмов. Гирт Вилкс охотно обращался к портретам сильных духом людей. Создавая положительный образ, он как бы поднимал его над повседневностью. Творчество народного художника Гирта Вилкса является яркой страницей в истории латышской советской живописи, а его жизнь — пример жизни Человека с большой буквы.

И. Нефедова.

На снимках:

◆ Эскизы декораций к пьесе Я. Райниса «Вей, ветерок».

◆ Х. Лиепиньш в роли Тота из пьесы Райниса «Играл я, плясал».

Фото Л. Фрицкауса.

